20.03.2002

Церетели Зураб Б 155

-20 марта.-с.

церетели: Я не из тех, кто ждет, когда придет муза

Оценки оставим экспертам, у меня к Зурабу Константиновичу другой интерес. Всегда любопытно узнать, что нового придумал Церетели, дабы удивить если не весь мир и Россию, то уж Москву — точно. А в том, что за ним никогда не заржавеет, лично у меня сомнений нет...

Женился по традиции. И по любви, конечно

— Вы же чистопородный грузин, Зураб Константинович?

— Не просто грузин, а потомок славной княжеской фамилии! Разница есть, да? Мои предки, чтобы родословную не испортить, всегда вступали в браки с равными по крови. И я семейных обычаев не нарушил, женился на представительнице знатного рода Андроникашвили. По любви, конечно, женился, но и из традиции тоже.

— Вот как грузин, тем более князь, и отвечайте за своего президента. Это что же Шеварднадзе творит, а?

— Вы новости не слушаете, телевизор не смотрите, да? Ваш вопрос опоздал. Уже и Владимир Путин высказался об этом на саммите в Казахстане, дал оценку ситуации.

— Вы удовлетворились услышанным и происходящее в Грузии вас больше не волнует?

— Недавно я был в Тбилиси. Хоронил отца... Он прожил 98 лет, находился в хорошей форме, спрашивал, где будем справлять столетие. Я отвечал: «В Москве». Отец долго думал, а потом уточнил: «А кого позовем? Мои друзья давно умерли». Я сказал: «Не волнуйся, пригласим людей, которые будут напоминать твое поколение — они такие же шумные и жизнерадостные, как были вы». Этот разговор оказался последним. Затем отец простудился, но в постель ложиться не стал, решил переходить болезнь. Неожиданно случился тромб, и... На похороны пришло очень много народу, очень. Был и Шеварднадзе, все были. О политике мы не говорили, нет, но я же все вижу. Жизнь в Грузии трудная, вот кто-то и придумал антироссийскую пропаганду, но это глупые, больные люди. Отношение к России только лучше становится. Интеллигенция проснулась, народ голову поднял.

Мы, грузины и русские, не можем друг без друга. И в семье бывает, что иногда муж с женой ссорятся, в отдельных комнатах спят, а потом — ничего, мирятся. Вот и мы так. Размолвки забудутся. У нас общий крест, общая история, общее будущее...

Знаете, жизнь научила меня смотреть на все немножко со стороны, не принимать ее буквально. В 79-м году я сделал для Америки две большие скульптуры. Они посвящались олимпиаде для больных детей — в ней участвовали команды со всего мира, кроме Советского Союза. В США меня спрашивали, почему СССР не прислал сборную, и я отвечал то, что услышал в верхах: «У нас нет больных детей. В Советском Союзе все здоровые!» Я не обманывал, думал, это правда. А потом вернулся в Москву и узнал, что только в Краснопресненском районе, где я живу, тысячи детей с тяжелыми недугами. Мне стало стыдно, и моя семья начала помогать больным...

Что хочу сказать? Не надо спешить повторять глупости про плохие отношения Грузии и России, чтобы потом не краснеть.

...Но о политике сегодня больше ни слова, хорошо? Мои мозги так заняты творчеством, что на все другое отвлекаться не могут.

— Ладно, тогда расскажите, что за памятник Никите Михалкову вы поставить задумали? Пишут, якобы гигантский Никита Сергеевич будет шагать с одного берега Москвы-реки на другой. Дескать, «а я иду, шагаю по Москве...»

— Тот, кто первым это в газете написал, талантливый человек. Смешно сочинил. Я в Америке был, когда услышал эту «новость». Долго смеялся.

Колумб Колоссу по пояс будет

— А Колосс Родосский — тоже выдумка журналистов?

— Нет, чистая правда! Я этот вопрос уже вынес на международный уровень. Недавно во Франции собирали послов доброй воли ЮНЕСКО. Великие люди приехали в Париж. Россию представляли Ростропович и я. Когда мне дали слово после генерального секретаря ЮНЕСКО, я предложил несколько крупнейших проектов — дар России миру.

— И чем вы хотите одарить человечество?

— К 300-летию Петербурга думаю создать мемориал, в котором будет аллея с бюстами всех российских царей, памятниками Екатерине Второй и Петру Великому, часовней и фонтаном. Кстати, и президенту Путину о моем проекте уже доложили. Когда я в Париже развернул эскизы, все обалдели, рты пораскрывали. Но это было только начало! Потом я предложил к Олимпиаде-2004 в Греции восстановить статую Колосса на Родосе, которую разрушило землетрясение. В мастерской у меня уже стоит модель метровой высоты.

— А в оригинале сколько, по-вашему, будет?

— Больше ста метров.

— На московского Петра Первого похоже?

— Нет, это другая тема. Колосс не имел отношения к России и ее царской фамилии. Он грек, да?

— Догадываюсь.

— Колосс стоит у входа в бухту, ноги — на разных берегах, в руках — факел. Я изучал археологию и этнографию, нашел монету с изображением лица статуи, но моя работа не будет копией древности. Это авторская вещь.

— Вы так уверенно говорите... Дело решенное?

— Я уже разговаривал с президентом Греции. Он в восторге!

— А кто заплатит за Колосса?

— Пусть думают. Есть же Олимпийский комитет, есть организаторы Игр-2004. Я ведь не положил себе в карман права на памятник, а только предложил объявить конкурс, родил идею. Конечно, хочу довести все до конца.

Америка сегодня объявила, что она — родина авангардизма. Обидно слушать такое! Мы в начале двадцатого века не думали глупыми мозгами, забыли, что искусство существует ради искусства, а не для идеологии, выбросили многие шедевры, вытолкнули талантливых художников из страны, они уехали за океан, взяли там новые паспорта, а теперь в США говорят, что главные авангардисты — американцы, вся слава им. Нельзя больше повторять ошибки! Россия — великая творческая держава, она обязана внести вклад в мировую культуру и показать образец авангардистского мышления. Мы это уже демонстрировали. Когда СССР и США решили сократить ядерные ракеты, у меня появилась мысль: а кто может уничтожить это страшное оружие? Только святой. И я сделал памятник: Георгий Победоносец поражает копьем дракона, тело которого состоит из частей советских СС-20 и американских «Першингов». Теперь этот Георгий установлен перед зданием ООН в Нью-Йорке.

Когда я поставил в Севилье памятник Колумбу, какая идея была? Рождение нового человека, рассказ, как Европа нашла Америку. Я создал 45-метровую скульптуру, выиграл труднейший конкурс и поднял престиж России. Думаю, с Колоссом подниму его еще выше!

— Ну да, на сто метров... Из чего ваять статую будете?

— Единственный пригодный материал — нержавеющая сталь и бронза. Если сделаем так, памятник переживет века. Гарантирую!

Мы, наша Академия художеств, спасли огромнейший завод «Монумент-скульптура» в Петербурге. Нехорошие люди хотели продать завод, который создавала Екатерина Вторая. Она пригласила француза Шмидта, тот поставил маленькую печку, стал учить искусству литья. А сегодня мы имеем печи, которые могут отлить восемьсот тонн бронзы. В мире ничего похожего нет!

Люблю работать с бронзой. Этот материал живет очень долго. Значит, новые поколения увидят созданные мною образы. Значит, будут знать: был такой скульптор — Церетели...

До-ре-ми-фа-соль-ля-си от Зураба Константиныча

— И музыкальный квартал в Москве задумали создать, чтобы вас помнили?

— Почему меня? Я же не сочиняю музыку! Это журналисты все перепутали, шум подняли, написали, будто я стану сносить дома в центре города. Как можно такое выдумать, а?!

Вы в Большом театре были? Какой молодец! Наверное, и площадь перед театром видели? Фонтан, скамейки, деревья... Для чего сделали, как думаете? Выйдет человек из Большого, вздохнет вот так: ах! Есть место, где погулять, поговорить с другом о балете или опере. А когда из консерватории выходишь, что видишь? Улицу, машины, крик, шум. Сразу нервный становишься, не знаешь, как убежать от этой напряженности. Забываешь, что музыку слушал, Спивакова или Башмета. Это же трагедия! Вот я и подумал: надо сделать пешеходной бывшую улицу Неждановой.

— Но Лужков ведь сказал, что Церетели не будет иметь отношения к музыкальному кварталу.

— Не говорил он такого! Юрия Михайловича спросили, что он думает о проекте, и Лужков ответил: пока ничего не слышал, но идея хорошая. Как не хорошая, а? Там, на Неждановой, великие музыканты жили, там Рихтер жил! Погулять по такой улице одно удовольствие. Мы ее музыкальной сделаем.

— Это как?

— Есть приемы! Специальное освещение, орнаменты на стенах, даже кладка на мостовой особенная! Два шага пройдешь — и почувствуешь: в необычное место попал. Можно разбить в этом квартале маленький сквер, и установить там солнечные и песочные часы.

— Когда вы в последний раз в Москве солнце видели, Зураб Константинович?

— О чем говоришь, дорогой? Надо уметь видеть и чувствовать. Солнце — это не то желтое, что на небе! Солнце в сердце у каждого! Вы улыбнулись — и мне солнечный луч послали. Потом я ответил улыбкой... Мы же сами часто портим жизнь и себе, и другим. Умираем раньше времени, самоубийством кончаем. Если на душе будет хорошо, тогда начнется долгожительство. В часах, которые я придумал, цифры и знаки Зодиака заменят фигурки наших солнечных людей — Ростроповича, Вишневской, Башмета... А песочные часы напомнят о тех, кто уже ушел: о Рихтере, Шостаковиче, Свиридове... Что здесь плохого? Я в Москве еще квартал поэтов, квартал литераторов построю! Представляете, молодежь выходит из школы, а там Белла Ахмадулина стоит, стихи читает. Или вы хотите, чтобы Москва опять превратилась в сухой социалистический город?

— Именно в том городе и проходили поэтические вечера, которых нет сейчас.

— Нет, потому что их проводить негде. Почему нам нравится Париж? Масштаб у города правильный. И в Нью-Йорке на 5-й авеню небоскребов много построили, но человеческий масштаб сохранили. Москва сейчас тоже быстро развивается. Так и должно быть, это лицо страны. России есть кем гордиться, надо только уметь показать, преподнести героев. Ведь когда гордишься предками, то и себя немного больше уважать начинаешь. Почему, думаете, мы выиграли Куликовскую битву, Полтаву, Бородино и над Гитлером верх взяли? Русские — сильная и гордая нация. А здоровый дух в здоровом теле. Мне очень понравилось, когда президент Путин об этом в полный голос сказал. Все должны спортом заниматься.

> **Люблю работать с бронзой. Этот материал живет очень долго. Значит, новые поколения увидят созданные мною образы. Значит, будут знать: был такой скульптор — Церетели...**

Я дружил с Пеле и Гаринчей

— Вы на горные лыжи еще не встали, Зураб Константинович?

— Я в теннис играю. Раньше борьбой и боксом занимался. А на лыжи не встал, нет.

— Но на Олимпийские игры в Солт-Лейк-Сити поехали.

— Это не первая Олимпиада для меня. Я был главным художником Игр в Москве в 1980 году. Вспомните, какие хорошие получились соревнования! Может, лучшие за всю историю. Чтобы они такими вышли, мне много работать пришлось.

Я вообще думаю, что искусство и спорт — две половинки одного целого. Тут нет мелочей. Иногда победа спортсмена зависит от того, какого цвета на нем форма — трусы и майка. Соперника ведь можно ошеломить, вывести из себя.

— Как тореадор быка?

— Да! Кто должен помочь, подсказать атлету? Человек искусства, тот, кого профессия обязывает чувствовать цвет, пластику. Вы картины художника Дейнеки видели? У него вратарь в прыжке нарисован так, что взгляд оторвать нельзя. Помню, Ящин, великий Лев Яшин стоял на художественной выставке в Манеже и любовался работой Дейнеки. Лев Иванович умел ценить искусство. Я тоже рисовал его портрет, когда он, бедный, в больницу попал...

— И все же: почему мы Олимпиаду проиграли, Зураб Константинович?

— Мы не проиграли, нам выиграть не дали. Видели, наверное: была мощная судейская атака, на нас давили, а мы оказались не готовы. Это хороший урок на будущее. Закаляться надо. Не только физически, но и морально. Сейчас я проектирую молодежный спортивный комплекс, где будут теннисные корты, бассейн, залы для занятий борьбой, художественной и спортивной гимнастикой. Но там же обязательно сделаю и художественную галерею. Повешу правильные, хорошие картины, рассказывающие о победах нашего спорта. Это необходимо, чтобы воспитывать культурных, сильных людей. Я вырос в Тбилиси, мы во дворе играли в футбол набитым песком чулком и мечтали стать звездами, как Парамонов, Хомич, Трофимов. Когда они приезжали в Тбилиси, мы бежали на стадион «Динамо». А сегодняшние мальчишки разве имеют таких кумиров? Раньше пресса поднимала, создавала героев, а сегодня?

— Значит, журналисты во всем виноваты?

— Вы же спросили, почему проиграли... Если не создавать положительных примеров, то у людей глаза гаснут, целые поколения холодными становятся. Не в одной прессе дело. Тут все работать должны — и политики, и писатели, и художники, и мастера кино. Например, я в Бразилии много времени провел, дружил с Пеле и Гаринчей, ходил на их тренировки, матчи, видел, как народ обожал футболистов, носил их на руках. Те чувствовали себя героями и действительно совершали подвиги. А карнавалы в Рио? Зачем их проводят, как думаете? Чтобы у людей радость была! У нас почему-то не умеют так веселиться. Но я могу сам себе праздник устроить и даже с другими поделиться. У Аяцкова в Саратовской губернии академию рисования создал. Увидел, что дети тянутся к живописи, и создал. В Казани институт открыл, лицеи на Урале и Дальнем Востоке. Это мне надо или людям? Другой пример. В России никогда не было музея современного искусства. Об этом долго говорили и писали, а я взял да организовал. Не стал ждать команды или распоряжения, проявил инициативу. В музее есть уникальные образцы русского авангарда. Хочу еще один музей открыть в Петербурге, в помещении завода Нобеля. Третий буду делать в Париже, четвертый — в Нью-Йорке. Хиллари мне помогает...

«Слезы и радость» от Лужкова

— Хиллари Клинтон?

— Да, жена Билла... Если мой план получится, по миру протянется ось добра — цепочка из музеев русского искусства.

Еще одна идея — для Нью-Йорка. Мемориал на месте разрушенного Всемирного торгового центра. Но это не я один придумал, идея принадлежит нашему мэру. Лужков даже сам рисовал макет будущего памятника, так его потрясла трагедия 11 сентября. «Слезы и радость» называется композиция. Очень символическая вещь получается.

— Может, Юрий Михайлович в городничие Нью-Йорка метит?

— Все шутите, а мы с ним каждый день проектом мемориала занимаемся.

— И с тамошними властями обо всем уже договорились?

— Сначала надо подготовиться хорошо, а потом предлагать.

— Иначе можно впросак попасть, как с Дианой?

— Почему впросак? С какой Дианой?

— Вы же хотели поставить памятник леди Ди в Лондоне, но англичане вежливо отказались от подарка.

— Никто не отказывался. Это я не стал Диану никому дарить. Она будет стоять в московском музее современного искусства. Как и скульптура матери Терезы. Не было такого, чтобы я искал место этим памятникам: вай, поставьте где-нибудь! Художнику пришла идея, он воплотил ее в жизнь. Никто не имеет права приходить в мастерскую, смотреть и говорить: что ты делаешь, почему ты так делаешь? Хочу — и делаю!

— Если бы все, Зураб Константинович, ограничивалось вашей мастерской... У вас ведь масштаб — Москвы мало.

— Да, я Бальзака в Париже поставить хочу. Плохо?

— Не знаю, у французов спрашивать надо.

— Уже все спросили. Будет памятник! И в Лондоне моя работа стоит. Это не я придумал. Тэтчер, тогдашний премьер-министр. Какие еще примеры привести? В ЮНЕСКО моя скульптура. Хуан Карлос, испанский король, аллею, где два моих произведения установлены, своим именем назвал, так ему понравилось. Я был главным художником Министерства иностранных дел СССР, по всему миру работал! Везде Церетели хорош, только в России меня критикуют, критикуют... Сколько грязи на меня из-за Петра вылили, знаете?

— Не по делу, считаете?

— Я так думаю, народ не был готов к восприятию. Плюс действия моих врагов. Когда-нибудь издам книгу, в которой красным по черному напечатаю всю ложь, которую обрушили на меня в связи с Петром. Золотом на белой бумаге напишу и о тех, кто мне помогал, защищал.

— Первая часть книги, так понимаю, будет потолще?

— Не хочу приводить пример с Эйфелевой башней, напоминать, как опозорились те французы, которые ругали это произведение. Ты можешь быть великим журналистом или писателем, но для тебя форма и пластика чужие, ты в этом ничего не смыслишь. Зачем тогда судишь, а? Дальтоник ведь не берется рассуждать о цветах. Почему же о скульптурах столько желающих дилетантски посудачить?

«Прав был Сальвадор Дали, когда говорил мне...»

— Потому что они на наших улицах стоят.

— Получается, когда там были девушки с веслом или рабочие с лопатой, это всем нравилось, а мой Петр не нравится? Раньше памятник заворачивали в простыню и никто не знал, кто там под ней. Приезжал партийный секретарь, перерезал ленточку, простыня падала, все видели: ага, Ленин стоит — и начинали хлопать от испуга. Разве это правильно? Когда я Петра создавал, думал, как в одной скульптуре соединить объем и пространство. Там есть очень неожиданные вещи, уникальные по инженерии. Я все свои скульптуры проверяю в ЦАГИ, пропускаю через аэродинамические трубы. На Поклонной горе моя Ника висит. На ней стоят гасители, если их убрать, стрела со скульптурой моментально упадет. Это понимать надо! У меня чертежи просят, чтобы в учебники включить. Вот! Это мой вклад в науку.

Я никогда вперед не лезу. От Никиты Михалкова позвонили, попросили сделать приз для лучших кинематографистов, «Золотой орел» называется. Когда хороший человек просит, как отказать можно? Сделаю...

Разве моя вина, что я конкурсы выигрываю? И с Петром победил. Второе место получил Кербель, я ему помог поставить скульптуру в Измайлово. Назовите другого человека, который так помогал бы конкурентам. Я со всеми делюсь, потому что никого и ничего не боюсь.

А то, что ругают... Часто вспоминаю разговор с Сальвадором Дали, с которым много лет дружил. Однажды сидели с ним и его Галой, а Дали и говорит: «Что-то в последнее время пресса меня забыла, не критикует. Это плохо». Я испугался: как плохо? Радоваться надо, что не трогают! Я жил в Советском Союзе, страной правил Андропов, у нас была другая эпоха. А сегодня понимаю: прав оказался великий Дали, пусть ругают, если хотят. Я-то знаю, что и для кого делаю.

— Для кого?

— Для людей, слушай, да? Прошлым летом ко мне в Академию художеств пришла женщина. Старая, больная, сетка с продуктами в руке. Стала извиняться, какие-то деньги совать. Ничего не пойму, кто такая, какие деньги? Объясняет: меня уговорили подписать письмо против вашего Петра и деньги за это дали. Я взяла, а теперь совесть мучает: как могла поднять руку на памятник, чем он мне помешал? Стоит бедная старуха и просит: заберите эти деньги, Зураб Константинович, снимите камень с души. Камень я снял, а деньги брать не стал — не мои, не я же их платил. Думаете, это единственный случай? Нет! Но я зла не держу. Утром, когда просыпаюсь, того, что было накануне, не помню. Зачем ворошить? Прошлое уже прожито, важно думать про настоящее и каждый день начинать с чистого листа. Кирпич класть на кирпич, медленно и аккуратно. Я не из тех, кто будет сидеть и ждать, пока придет муза. Профессионалы давно знают, как держать себя в форме, откуда черпать вдохновение. Я же не вчера родился и не завтра, надеюсь, уйду...

■ Андрей Ванденко.

Колосс российской скульптуры между ног Колосса Родосского

фото: Андрея Струнина